

19 декабря 2016 г. исполняется десять лет со дня смерти *Юрия Андреевича Жданова* (1919 – 2006) – крупного отечественного ученого, выдающегося организатора науки и известного общественного деятеля, доктора химических и кандидата философских наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР/РАН, действительного члена многих российских и международных академических объединений и союзов, лауреата Государственной премии СССР; человека, который, возглавив Ростовский государственный университет в далеком 1957 г. и управляя им вплоть до 1988 г., вошел в историю высшей школы страны как один из самых успешных ректоров. Именно при Ю.А. Жданове наш университет (некогда Варшавский, затем Донской, позднее Ростовский государственный) стал гордостью Юга России и базовым вузом Северного Кавказа, одним из ведущих научных, образовательных и культурных центров страны. Наследником РГУ является ныне Южный федеральный университет.

В годовщину кончины Юрия Андреевича мы публикуем на страницах «Инженерного вестника Дона» достаточно любопытный (и отчасти даже необычный) материал о Ю.А. Жданове, написанный человеком, который не только был хорош знаком с ним, но и непосредственно работал под его началом в Северо-Кавказском научном центре высшей школы – едва ли не самом любимом детище Юрия Андреевича. Автор материала кандидат философских наук, доцент *Владимир Николаевич Рябцев*. Он питомец нашего университета, один из его старожилов. С начала 1990-х участвовал в разработке и реализации силами ученых и специалистов СКНЦ ВШ целого ряда масштабных научно-исследовательских и научно-прикладных проектов региональной направленности. В период с 1996 по 2001 г. В.Н. Рябцев заведовал межвузовской кафедрой регионоведения (кавказоведения) и отделом стран Закавказья Института Кавказа – двух уникальных для своего времени «площадок» (образовательной и научной), существовавших в структуре СКНЦ ВШ. В.Н. Рябцев и сегодня продолжает здесь работать, являясь ведущим научным сотрудником Центра.

В наше распоряжение В.Н. Рябцев предоставил материал, который трудно определить однозначно. С одной стороны, это статья-воспоминание человека, который лично знал ученого и даже считает его одним из своих неформальных учителей; это попытка привлечь

внимание к такой, все еще малоизвестной стороне творческого наследия Юрия Андреевича, которая лишней раз свидетельствует о многогранности его творческого гения и невероятной эрудиции. Речь идет о жанре *научной публицистики*, в котором Ю.А. Жданов плодотворно работал в течение многих лет. С другой стороны, это публикация очень интересного материала из личного архива автора – рецензии на одну из явно недооцененных при жизни и давно уже требующей переиздания книг Ю.А. Жданова); материала, отнюдь не потерявшего своей актуальности до сих пор.

М.Д. Розин, д.ф.н., профессор

В.Н. Рябцев

**ПЕРЕЛИСТЫВАЯ ЛИЧНЫЙ АРХИВ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ...
(об одной забытой статье-рецензии на книгу Ю.А. Жданова
«Нерасторжимые звенья. Культура и наука.
Традиции и современность»)**

Великий ректор Ростовского госуниверситета, которому вуз обязан своим «золотым тридцатилетием» (1957 – 1988), и создатель уникальной научно-образовательной «площадки» – Северо-Кавказского научного центра высшей школы (он начал функционировать в 1969г.) *Юрий Андреевич Жданов* оставил после себя чрезвычайно большое и разноплановое наследие. Видимо, пройдут годы и годы, прежде чем мы сможем охватить его полностью и постичь заложенные автором в многочисленных текстах идеи и «сюжеты», осмыслить сделанные им открытия, по-настоящему воспринять его пророчества («послания в будущее»). Одной из граней творчества этого удивительного и разностороннего человека, который просто «фонтанировал» идеями, буквально «облучал» своей мудростью, щедро и бескорыстно делился огромным жизненным опытом, было его живое обращение к слушателю (тогда он во всем своем блеске представлял как Лектор) или к читателю, в основном молодому (тогда Ю.А. Жданов представлял как великолепный Писатель). О последнем моменте хотелось бы сказать особо, ибо Юрий Андреевич обладал даром излагать самые сложные вещи простым и красочным языком. И этим даром он умело пользовался, сам, видимо,

получая удовольствие от своего занятия. А ведь, как говорил выдающийся французский историк М. Блок, нет бóльшей похвалы для человека пишущего, чем признание, что он равным образом, одинаково умеет говорить и с учеными, и со школьниками, хотя достигаемое при этом качество «высокой простоты» – привилегия избранных! Ю.А. Жданов как раз был из той самой когорты...

Оговорю в данном случае один важный момент.

В принципе связанный с наукой человек, взявшись за перо, имеет перед собой несколько возможностей. Во-первых, это занятие наукой в самом серьезном смысле этого слова, т.е. годы сосредоточенных исследований и подготовительных работ к ним, иногда мучительных философских исканий и методологических раздумий, оставляющих более или менее заметный след только в законченном продукте – монографии или цикле статей, может быть, даже в одной статье (здесь тоже бывает удача – одним «выстрелом» и точно в цель). Во-вторых, работа человека науки на образовательном поприще. Мы имеем в виду особый вид литературного труда, связанный с написанием учебников и учебных пособий. Тоже вещь непростая, да к тому же и ответственная. За нее ученые подчас берутся с неохотой, боясь потери времени для исследовательской работы плюс опасаясь, что не смогут найти путь к читателю (школьнику, студенту или аспиранту) и не достигнут качества «высокой простоты». Но если это все же удастся, ученого ждет признание *массового* читателя, который проявляет устойчивый интерес к его работе. Недаром хорошие добротные учебники и учебные пособия, написанные признанными специалистами и мастерами своего дела, постоянно издаются и переиздаются. Правда, их всегда не так уж много. Как правило, правят бал графоманы...

Но есть еще одна – третья – возможность – работа человека науки в некоем «среднем жанре», соединяющем достоинства первого и второго, но при всем том сохраняющем свою специфику. Это непосредственное обращение к читателю, научная публицистика в различных ее формах – такой способ изложения, который как бы приоткрывает теоретические взгляды автора и в то же время не предполагает их изложения в строго академической манере, несет на себе печать творческой индивидуальности ученого. Причем и здесь

дух человеческий также может достигать высочайших вершин: «Достаточно вспомнить пример русской общественной мысли прошлого века», – замечал видный советский философ культуры и эстетик Мих. А. Лифшиц [1]. И надо сказать, что в свое время в этой области было немало авторов, умевших работать на высоком профессиональном уровне, настоящих мастеров научной публицистики. В этом ряду: блистательный науковед и философ Г.Н. Волков, историк науки и геолог Р.К. Баландин, чистые философы А.В. Гулыга и В.И. Толстых, политолог и эссеист Ф.М. Бурлацкий, литературовед и историк культуры Д.С. Лихачев, тот же Мих. А. Лифшиц (и это только те авторы из недавнего прошлого, которые приходят на ум сразу, без раздумий). Думается, что это в полной мере относится и к Ю.А. Жданову, который обладал блистательным даром излагать самые сложные вещи простым и красочным языком. Не будем также забывать, что Юрий Андреевич вообще был превосходным эссеистом. Нельзя остаться равнодушным также, знакомясь и с его поэтическим творчеством. Достаточно открыть книжку ждановских эссе и стихов «Мимолетности» [2], чтобы тут же подпасть под обаяние его литературного дара.

И здесь хочется вспомнить один эпизод из моей жизни и работы в РГУ в бытность, когда им руководил Юрий Андреевич.

Дело в том, что его желание и умение работать в жанре научно-философской публицистики было предметом моей зависти в хорошем смысле слова; всегда вызывало у меня, причем со студенческих лет, желание в будущем, когда, конечно, «подрасту» и поумнею, работать в подобном ключе – на стыке серьезной науки и публицистики для широкой аудитории. Понятное дело: само по себе это умение прийти не могло, и мне пришлось много и упорно работать над собой, в частности знакомиться с лучшими образцами этого пограничного жанра литературы. Естественно, и в ранние годы, и будучи уже зрелым человеком, я жадно искал любой «встречи со Ждановым», который для всех нас – «РГУ-шников» 1970 – 1980-х гг. был образцом для подражания. Вспоминаю, с каким упоением и духовным подъемом я читал и бесконечно перечитывал его изумительную статью «К новому восприятию и пониманию мира» (1987 г.) [3], посвященную жизни и творчеству академика В.И. Вернадского, учением которого о

био- и ноосфере я тогда (как, впрочем, и его историко-научными изысканиями) сильно увлекался. Не скрою при этом: всегда мечтал о том времени, что когда-нибудь, может быть, мне представится возможность напрямую пообщаться с этим большим (по рангу) и бесконечно занятым человеком; поговорить с ним именно о том, как, «работая» в социально-гуманитарных науках, писать «просто о сложном», «доступно о загадочном» ... Иными словами, очень хотелось пройти именно у Ю.А. Жданова, пусть раз в жизни, неформальный «мастер-класс». И хотя мне как «университетскому ребенку» (а я с пяти лет уже был в университете, который стал для меня родным домом, и я вращался вместе со своим отцом и матерью, работавшими в РГУ, [4] в комфортной академической среде), вроде бы, было несложно добиться аудиенции у Юрия Андреевича, но смелости не хватало. Думалось: «такой мэтр, такой авторитет – вдруг опозорюсь!». Но все-таки со временем счастливая возможность мне представилась, причем неоднократно. Особенно запомнился мой первый контакт с Ю.А. Ждановым.

А было это так. В середине 1980-х гг., когда совершался мой сложный переход от занятий чистой философией к политической науке, на время я остановился на «промежуточной станции» под названием «глобалистика» (точнее, геоглобалистика). И в контексте научных интересов и изысканий того времени, повторяюсь, я много и плодотворно занимался В.И. Вернадским, находился под влиянием его учения о био- и ноосфере. В 1987 г. я инициировал небольшую работу в подобном ключе и привлек к ее написанию двух своих, более старших, коллег [5]. Как тут было не обратиться к Ю.А. Жданову, с работами которого я был хорошо знаком. Обратиться и как к признанному знатоку данного вопроса, и – если говорить шире – вообще науковедческой проблематики, и как блестящему представителю как раз жанра научно-философской публицистики, в котором мы «на троих» пытались поработать. Пользуясь «правом» давнего знакомства с ним и (признаюсь – что уж теперь скрывать!) даже подражая Юрию Андреевичу в том, что касалось самого стиля написания работы в подобном жанре, я набрался смелости и напросился на консультацию к нему. Через несколько дней его референт мне сообщил: «Юрий Андреевич готов Вас принять». Я был

без ума от счастья. Эффект от встречи был потрясающим: и одобрение получил, и ценные советы по тексту. Да от кого? От Жданова! Потому и работа в итоге вышла удачной; многое прояснила и для самих авторов, и признание «коллег по цеху» получила.

И еще одно важное для меня воспоминание, имеющее уже прямое отношение к тому, чему посвящен публикуемый мною ниже материал.

Хотелось бы рассказать об одной, чуть более ранней истории, о том времени, когда я работал на общеуниверситетской кафедре философии, которой заведовал профессор М.М. Карпов (1914 – 2011), кстати, первый декан философского факультета нашего университета – вообще легендарная личность тогдашнего РГУ, истовый борец за справедливость, человек безупречной репутации, но заодно с этим и... гроза всех студентов и аспирантов РГУ. Так вот, обсуждая с коллегами по кафедре только что вышедшую из печати и с упоением прочитанную мною книгу Ю.А. Жданова «Нерасторжимые звенья: Культура и наука. Традиции и современность» (Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1985. – 240 с.), я вдруг настолько загорелся желанием высказаться по ней, поразмышлять по поводу затронутых автором сюжетов и вопросов, что тут же взялся за перо. Сейчас не могу точно сказать, как и каким образом, но я получил предложение опубликовать свои размышления о работе Ю.А. Жданова от редакции очень популярного тогда в Ростове журнала «Дон» (по-моему, на этом настояла доцент нашей кафедры Г.И. Кужелева – прекрасный специалист своего дела и очень активный человек). В итоге получилось, что к моей личной заинтересованности добавился еще и удобный повод. Одним словом, я с пылу с жару взялся за дело.

В итоге родился некий текст, который казался мне совсем неплохим. Даже очень... Но по разным причинам (в основном по вине редакции, которая все тянула, заставляла меня что-то бесконечно переделывать, менять), статья-рецензия о «Нерасторжимых звеньях...» так и не появилась в печати. Понятно, что после всех проволочек я просто-напросто плюнул на туманную перспективу быть опубликованным в престижном журнале и занялся своими обычными делами. Но все-таки мне хватило тогда ума не выбросить рукопись в мусорную корзину: я отложил ее в свой архив, надолго забыв о ее существовании.

И вот совсем недавно, перебирая бумаги, наткнулся на папку «Рукописи и черновые материалы (1980-е гг.)» и с удивлением обнаружил тот самый текст. Сказать, что эта моя «встреча с моим прошлым» была радостной – не сказать ничего! Я был просто в восторге: и от того, что сохранились такие ценные материалы, и от себя самого... Не долго думая и вспомнив о своей старой статье-рецензии, принял решение: опубликовать текст, сопроводив его, естественно, небольшим пояснением. Благожелательность коллег по СКНЦ, с которыми я заранее проконсультировался на сей счет, только укрепили мое намерение. Так что приходишь к нехитрому выводу: рыться в архивах иногда полезно, и не только с целью освободиться от ненужных и явно устаревших бумаг, но и с тем, чтобы (возможно!) отыскать нечто подзабытое, но качественное, интересное, напоминающее о былых радостях и свершениях.

Вот полный текст моей статьи-рецензии из того – далекого теперь от нас – 1985-го: набранный еще на печатной машинке текст из того прошлого, о котором сегодня вспоминаешь и с грустью – понимая, что его уже никак не вернешь, и с радостью – от осознания того, что оно – *такое* прошлое! – все-таки было в твоей жизни, и та жизнь, в водоворот которой ты был вольно или невольно вовлечен, как раз и являла собой настоящую «обитель радости» и самого настоящего человеческого счастья. Тем более, если эти вехи освящены памятью нашего великого ректора – Юрия Андреевича Жданова.

Да простит мне читатель некоторые погрешности и порой высокопарность стиля, но, как говорится, что было – то было (из песни слов не выкинешь!), да мне, честно говоря, ничего и не хотелось менять в некогда написанном. Так что оставлю все как есть, как «свидетельство времени». Надеюсь, что тот, кто решит познакомиться с моими давними оценками книги Ю.А. Жданова, не будет слишком строг ко мне – тогда еще простому кандидату наук, едва переступившему тридцатилетний рубеж. Ну а там – как Бог даст...

Вот что я писал в той своей статье-рецензии в год, когда в стране началась пресловутая перестройка:

«Есть книги, которых ждешь с нетерпением, а по их выходе в свет читаешь с радостью и упоением, – книги, появление которых становится настоящим событием в общественно-литературной

жизни. К их числу можно смело отнести книгу Ю.А. Жданова «Нерасторжимые звенья: Культура и наука. Традиции и современность» (Ростов н/Д, Кн. изд-во, 1985, 240 с.) [6].

Имя автора (ректора Ростовского госуниверситета, председателя Президиума Северо-Кавказского научного центра высшей школы, члена-корреспондента АН СССР, Лауреата Государственных премий СССР) достаточно хорошо известно научной общественности не только Дона и Северного Кавказа, но и всей нашей страны. Его перу принадлежат многочисленные труды в области теории органической химии и химии природных соединений, философских вопросов естествознания, истории науки и теории культуры. Однако далеко не всем известна еще одна сторона его многогранного творчества – его литературные работы, в которых Ю.А. Жданов размышляет прежде всего об истории, современных проблемах и перспективах развития человеческой культуры.

Рецензируемая книга, в которую вошли работы разных лет, публиковавшиеся в различных изданиях, – итог многолетних раздумий автора в той области, своеобразное подведение итогов и вместе с тем своеобразная «закладка фундамента» для продолжения разговора с читателем в будущем. Мы сказали – рецензируемая книга. Но, честно говоря, ловишь себя на мысли о невозможности писать на эту книгу рецензию в ее обычном значении. Она невольно зовет к диалогу, к сотворчеству, к заинтересованному разговору о затронутых автором проблемах, столь актуальных и значительных для нашего времени. Это тем более важно подчеркнуть, поскольку и сам автор рассматривает свою книгу как возможность стимулировать внимание читателя ко многим, еще не до конца разработанным сторонам культурного наследия.

Итак, размышление над книгой...

1

По нашему мнению, ее пронизывают несколько центральных идей, составляющих как бы ее остов, логическую структуру.

Важнейшей среди них, без всякого сомнения, является мысль о всеобщем характере культуры и исторических формах ее развития. К ней Ю.А. Жданов подходит через диалектику социального и культурного, т.е. через понимание тождества и различия в

отношениях двух этих «срезов» рассмотрения человеческого общества. Он отмечает, например, что трудно понять специфику античной культуры вне той социальной организации, на которой она, собственно, и возникла – рабовладельческого города-государства. Не выяснив социально-экономического базиса этой формы (типа) культуры, нельзя исчерпать сущность уникальной попытки греков синтезировать все стороны общественной и личной жизни человека того времени (с. 181 и понять, почему же античный мир продолжает жить в культурных традициях последующих эпох, доставляя нам наслаждение по сей день!

Тем самым Ю.А. Жданов подчеркивает очень важный момент – при всей органической связи между уровнем развития культуры и спецификой социальной организации общества могут наблюдаться и несоответствия: с одной стороны, ситуация, когда, скажем, социально-политические отношения как бы «опережают» достигнутый к этому времени в обществе уровень культурного развития (примером чего является Советская Россия в начале 1920-х гг.), с другой стороны, ситуация, когда культура достигает стадии расцвета при исторически изживших себя или, наоборот, еще до конца не сложившихся социально-экономических формах [7].

Основываясь на этом, Ю.А. Жданов видит сущность культуры в том, что она «охватывает все общественные явления, вычлняя тем самым хотя и всеобщий, но вполне определенный аспект социальной жизни» (с. 5). Данный тезис находит свое развитие в интересных размышлениях автора об истоках и судьбах античной культуры. Он пишет, например: «... в древних Афинах был закон: тот, кто не разрешал другому зажечь светильник от своего дома, должен был поплатиться жизнью. В этом суровом требовании заключен императив культуры: свет ее не должен прерываться. Коренная, существенная характеристика культуры, как универсального способа формирования и существования человека, заключается в ее преемственности. Эта мысль входит важнейшей составной частью в ленинское понимание культуры» (с. 178-179).

Именно преемственность, непрерывность развития – вот что характеризует и выражает в человеческой истории культура. Не следует, однако, думать, что подвержены изменению лишь формы

общественной жизни, а сама культура-де лишена динамики. Безусловно, это не так. Культура (и это хорошо показывает Ю.А. Жданов) имеет *свою* внутреннюю логику развития, *свой* собственный ритм. Этим во многом объясняется феномен своеобразной «межнациональности» культуры, возможность влияния стран-соседей на экономически и социально более отсталые страны и, стало быть, возможность усвоения вторыми культурных достижений первых (в этой связи Ю.А. Жданов приводит красноречивые примеры как прямого, так и косвенного, шедшего через Византию, влияния античности на культуру Древней Руси и русскую культуру вообще).

Не случайно в истории культуры так остро стояла и стоит по сей день проблема соотношения творчества и новаторства, которая всегда решалась в конкретно-историческом контексте развития общества и самбы культуры. Причем здесь, как показывает Ю.А. Жданов, недопустимы две крайности: как «лево-истерические» и релятивистские, по сути дела, формы отрицания культуры (примеров которых можно привести бесконечное множество: от наскоков Пролеткульта в первые годы Советской власти до фашистского варварства, от акций маоистов в Китае периода т.н. «культурной революции» до «деяний» их последователей – полпотовцев в Кампучии 1970-х гг.), так и новомодные ныне формы подражательства в сфере культуры, а иногда даже и попытки гальванизации тех или иных ее форм. Кстати говоря, в этом пункте Ю.А. Жданов развивает интересные мысли о задачах исследователя прошлой культуры, о всей сложности и «деликатности» распределечивания им исходной формы культурной деятельности (с. 184). Альтернативу этому он справедливо видит в подлинно творческом отношении к традиции, в отношении, которое столь точно и глубоко выражено в ленинской концепции культуры и культурной революции. По мнению Ю.А. Жданова, суть ее можно выразить следующими положениями: 1) мыслью о непрерывном и поступательном характере культурного развития человечества (с. 15) и 2) мыслью о том, что предшествующий материал культуры всегда должен подвергаться переработке с позиций самого передового класса данной эпохи (см.: С. 17).

Другой, не менее важной, чем первая является идея Ю.А. Жданова о диалектике национального и интернационального в развитии человеческой культуры.

Академик Д.С. Лихачев писал: «Движение мировой культуры к постепенному расширению понимания культур прошлого и инонациональных культур с целью обогащения культурного настоящего не было равномерным и легким. Оно встречало сопротивление и часто отступало назад» [8]. Встречается «в штыки» оно и сегодня, особенно теми, кто проповедует своеобразную «непроницаемость» национальных культур, наличие замкнутых культурных образований, т.н. «локальных» цивилизаций, и пр. Сторонников такого рода подхода было довольно много в прошлом: достаточно назвать философско-историческую концепцию Н.Я. Данилевского (2-я половина XIX в.), нашумевшую в свое время книгу «Закат Европы» предтечи немецкого фашизма О. Шпенглера, патриарха английских историков А. Тойнби и др. Но суть взглядов их современных последователей та же – разрыв единой нити исторического развития, преемственности в области культуры, взаимовлияний одной культуры на другую, культурных связей между странами и народами.

Наш подход, в отличие от них, к этой проблеме кардинально иной. Заключается он в том, что проникая в суть других культур, мы должны прежде всего изучить их различия между собой и их отличие от нашей культуры, познать их своеобразие и «индивидуальность». Именно в разнообразии культуурообразующих признаков заключается их особая поучительность, а также залог возможности их использования в современной культуре. Причем человеческое сознание обладает способностью проникать в культурные миры народов, глубоко понимать их, несмотря на все отличия этих миров от нашего, собственного... В этом проникновении в «чужое» – обогащение *нашего* духовного потенциала, наше движение вперед. Однако, по верному замечанию того же Д.С. Лихачева, «способность к пониманию чужого не есть неразборчивость в принятии этого чужого. Отбор лучшего постоянно сопутствует расширению понимания других культур. При всех различиях эстетических сознаний

существует между ними и нечто общее, делающее возможным их оценку и использование» [6, с. 210].

Прекрасным примером может служить такая «жемчужина» русской советской культуры, как творчество М.А. Шолохова. Говоря о нем, Ю.А. Жданов отмечает, что жизнь давно уже показала всю смехотворность утверждений, будто бы его творчество при всей своей художественной силе имеет специфически русский и даже сугубо локальный характер (приурочено к быту и судьбам донского казачества). «Тихий Дон», «Поднятая целина», повести и рассказы М.А. Шолохова стали не только нашим общенациональным эпосом, но и перешагнули границы государств и народов, подтвердив слова великого Гегеля, который писал: «Но если национальному эпосу по праву суждено при-обрести непреходящий интерес и для других времен и народов, то для этого описываемый им мир должен быть не только миром особой нации, но в этом особом народе с его героизмом и подвигами одно-временно должна отчетливо запечатлеваться и общечеловеческая сторона» (Эстетика. В 4 т. Т. 3. – М., 1971. – С. 439)» (с. 235).

Тем самым невольно для себя делаешь два вывода: 1) каждое из человеческих поколений должно сохранять, сберегать для себя и для будущих поколений все ценное в культуре прошлых веков, критически преодолевая устаревшее и консервативное и 2) при всех различиях национальных культур в них необходимо выделять общие (интернациональные) черты, видеть их «проницаемость» друг в друга, способность к синтезу. Только учитывая это, можно понять, что одновременно с перестройкой всей совокупности общественных отношений на коммунистических началах – началах подлинного Гуманизма – будет необходимо происходить (и уже де-факто происходит!) процесс «переплавки» национальных, локальных и региональных культур в единую общечеловеческую культуру. Дело в том, что русский человек испокон веку был предрасположен к интернационализму. Это составляло существенные черты его национального характера (вспомним хотя бы «Русскую идею» Ф.М. Достоевского – облеченные в патриотическую форму принципы всеобщей нравственности).

Известный советский философ и публицист Р.И. Косолапов дает такое определение этому феномену: «Русь с ее бесконечными просторами многие века была ареной перемещения и расселения разноплеменных масс людей, открытой культурным веяниям со всех стран света, и не замыкалась от других народов в свою национальную скорлупу. Национализм всегда – даже в те времена, когда он в форме великодержавной идеологии сознательно насаждался царским правительством, – неуютно чувствовал себя в русском народе. Не в этом ли одно из объяснений того, что неохватно мощный ствол российской духовной культуры своей разросшейся корневой системой органически связан, по сути, со всеми основными плодоносными слоями культурной почвы человечества?» [9]. Как тут не вспомнить личность великого А.С. Грибоедова, страстно мечтавшего и вдохновенно надеявшегося на то, что именно Россия явит миру решение задач общечеловеческого культурного синтеза (с. 152). Его пророчествам не суждено было сбыться в то время, зато сегодня они становятся реальностью нашего общественного развития.

Важным элементом авторского замысла является мысль Ю.А. Жданова о народных корнях культуры.

Для прошлых эпох, являвшихся «прелюдией к социалистической организации общества» [10], был характерен раскол общества по множеству признаков, в том числе и по вторичным. Одним из этих вторичных антагонизмов классового общества был раскол между творческой интеллигенцией и народными массами. Он относится к числу самых «коварных» (по выражению советского философа и эстетика Мих. А. Лифшица) противоречий между людьми, ибо затрагивает «святая святых» – их личностное развитие.

Нельзя сказать, что в истории культуры не было попыток преодолеть этот трагический раскол. Вспомним хотя бы титанические усилия Ф.М. Достоевского и/или Л.Н. Толстого на этом пути, которым автор (Ю.А. Жданов) уделяет столь много места в своей книге. Но они не увенчались, да и не могли увенчаться, успехом. И дело не в том, что очень плохи были их проекты: призывы к «одворяниванию» мужика (Ф.М. Достоевский) или к «опрощению» высших слоев тогдашнего общества, к опусканию их до уровня этого самого мужика (Л.Н. Толстой). Просто-напросто еще не было создано предпосылок

для преодоления раскола передовых сил нации и простого народа. И верно замечает в этой связи Ю.А. Жданов: «Деятельность борцов за освобождение масс еще не сливается с движением самих масс; лучшие умы России, даже ее интеллектуальный «цвет» в своих проповедях еще не находят отклика в народе; плюс к этому, не создана теория, которая озарила бы верным светом практическое революционное действие» (с. 222).

Справедливости ради следует сказать, что и в прошлом лучшие представители культуры находили путь к народной «почве», питались ее живительными соками. Речь идет о широком потоке демократической культуры, отразить которую (а то и эстетические ценности, и нравственные принципы, и чистые, честные устремления к добру, справедливости, и веками накапливавшийся опыт познания мира, и т.д.) означало *достичь народности* той культуры, которую разрабатывало творческое меньшинство нации. Таким, по мнению Ю.А. Жданова, было вдохновенное творчество М.И. Глинки, открывшее новую страницу в развитии не только русской, но и мировой музыкальной мысли. Ю.А. Жданов пишет: «В России и до Глинки имелись композиторы, которые использовали в своем творчестве темы народных песен. Однако этого было еще недостаточно для создания национальной русской музыки. Необходим был гений Глинки, который глубоко постиг склад и характер народной музыки, проникся ее духом» (с. 160).

Вот почему культурная революция, план которой был начертан Лениным, явил собой новую историческую эпоху. По мнению Ю.А. Жданова, с момента социалистической революции начинается гигантский процесс соединения Труда и Культуры, формирование творческой личности в массовом масштабе. Культура, которой на протяжении веков по-настоящему могло пользоваться лишь избранное меньшинство, элита, становится достоянием всего народа. Но приобщение миллионов трудящихся к достижениям культуры не исчерпывает сущности этой революции. Следующим шагом на пути должно было стать их широкое вовлечение в самостоятельное культурное творчество, что будет идти в унисон с преодолением старых форм общественного разделения труда. Так рано или поздно, но общественное развитие необходимо приведет к тому, что индивид

овладеет всеми типами деятельности и каждая из форм его жизнедеятельности станет культурой – предполагающей в себе «все стороны человеческой деятельности в ее целостности и универсальности» (С. 32).

Заслуживает и пристального внимания мысль Ю.А. Жданова об органической связи культуры и гуманизма.

По мнению Юрия Андреевича, гуманистической пафос всегда был характерен для подлинной культуры, а гуманистическими установками всегда были движимы ее лучшие представители. Однако (и это Ю.А. Жданов также показывает в своей работе) обращенные к человечеству призывы деятелей культуры о человечности, справедливости и т.д. едва ли могли быть услышаны людьми труда в обществе социального неравенства и классовых антагонизмов, в условиях отчуждения от трудящихся большинства истинных достижений культуры. Это зачастую приводило первых к построению гуманистических утопий (типа «царства прекрасной видимости» Ф. Шиллера), а вторых обрекало на невежество или, в лучшем случае, на потребление принижающих человеческое достоинство суррогатов культуры. И ясно почему: в условиях эксплуататорского общества культура является достоянием не каждого индивида в отдельности, а лишь их анонимной совокупности, абстрактной массы (с. 12).

Лишь в наше время, в условиях преодоления деформирующих природу человека классовых антагонизмов и огромного социального неравенства гуманизм культуры обрел статус непосредственной действительности. Хотя (и мы здесь полностью согласны с автором) формирование всесторонне развитого индивида, вобравшего в себя все богатство мировой культуры, воплотившего в себе культуру как «всеобщее в человеке», потребует целой исторической эпохи, «создания соответствующих материально-технических предпосылок, дальнейшего роста общественного богатства. Предстоит решать серьезные проблемы, связанные с формированием культурной потребности, воспитанием творческого отношения к культуре как самодеятельности, непрерывным самообразованием и саморазвитием индивида. Большие усилия должны быть направлены на дальнейшую активизацию всех форм массового творчества на производстве, в науке и технике, искусстве и спорте» (с. 42).

В отличие от этого наши идейные противники всячески стремятся отвлечь молодежь от высоких гуманистических целей, насаждая эрзац-культуру и пропагандируя гедонистическое стремление к удовольствиям, потребительское отношение к жизни и культуре, проповедуя бегство в сферу личных, преимущественно сексуальных эмоций, насилие и жестокость, безразличие к общественно-значимым формам жизнедеятельности. К сожалению, это влияние в какой-то мере проникает и в среду нашей молодежи, где у некоторой части которой еще не изжили себя обывательское понимание культуры, чисто потребительский подход к ней и пассивно-созерцательное поглощение ее ценностей (с. 43). *Такой* части молодежи, увы, не до возвышения духовных потребностей!

2

Все сказанное выше можно рассматривать как размышление по поводу содержания книги, по поводу основных проблем, затронутых в ней автором [11]. Но наше внимание не может не привлечь и литературная форма, в которой написаны «Нерасторжимые звенья...». Начнем с вопроса о жанре этой книги.

Если быть кратким, то можно сказать, что это научно-философское эссе по различным вопросам истории культуры, понятой в самом широком смысле слова, причем основное внимание автор уделяет вопросам науки и искусства. Работу Ю.А. Жданова отличает особая литературная манера. Первое, что бросается в глаза, – удачное сочетание научно-теоретического и художественно-эстетического моментов в изложении интересующих его вопросов. Он нигде прямо не излагает свою историко-культурную концепцию, но во всех без исключения очерках, столь несхожих по тематике и сюжетам, проглядывает четкая установка автора. Там, где это необходимо, он удачно использует образы. Причем Ю.А. Жданов не навязывает свою концепцию читателю, но всем ходом повествования убеждает принять ее как свою. Если же учесть еще прекрасный вкус автора (он проявляется даже в самом выборе им основных «действующих лиц» повествования) и великолепный литературный язык книги, то становится понятным, почему она читается с таким увлечением.

Во многом этому способствует также колоссальная эрудиция автора, знание им великого множества исторических фактов,

биографических сведений о людях русской и мировой культуры, судьбах многих гениальных идей, судьбах их творцов, а то и просто документальных свидетельств далеких эпох. Кое-где в ткань очерков органически вплетаются и личные впечатления Ю.А. Жданова. В этой связи следует заметить, что в «Нерасторжимых звеньях...», наряду с общеизвестными, можно почерпнуть знание и многих малоизвестных или вовсе неизвестных фактов из истории отечественной и мировой культуры.

Так, например, с большим интересом читаются те страницы книги, где Ю.А. Жданов знакомит нас с имеющими глубокий философский смысл и весьма актуальными для нашего времени мыслями Д.И. Менделеева о роли общественной технологии – науки, находящейся на стыке естествознания и социальных наук и имеющей своим предметом мир природы, преобразованный человеческим разумом и трудом в «неорганическое тело» цивилизации. Здесь автор справедливо видит пункт, где смыкаются взгляды гениального русского ученого с идеями о ноосфере другого гения науки – В.И. Вернадского (с. 137-138). С чисто познавательной точки зрения заслуживают также внимания те места книги, где Ю.А. Жданов, ссылаясь на свидетельства слушателей лекций великого И.П. Павлова, реконструирует основные заповеди (или императивы) познавательной деятельности, которые предъявлял великий русский физиолог к человеку, вступающему на путь служения науке (с. 115-117). Нельзя остаться равнодушным к тем страницам, где речь идет об основных вехах биографии и удивительной судьбе А.С. Грибоедова – человека (писателя и очеркиста, музыканта и дипломата, востоковеда), который «своим синтетическим охватом социальных явлений сумел высоко подняться над веком, увидеть перспективу формирования общечеловеческой культуры и способствовал своей практической деятельностью реализации западно-восточного единства» (с. 143). Наконец, интересны некоторые сопоставления, которые проводит Ю.А. Жданов в своей книге (Бетховен и Шёнберг, Ф.М. Достоевский и М.А. Шолохов, и др.).

При всем том его эссе не лишены элемента публицистичности как таковой. Особенно это касается тех мест книги, где Юрий Андреевич рассматривает вопросы развития хозяйства, науки и культуры

донского края – края, с которым он связан уже почти три десятка лет, и Северо-Кавказского региона, который превосходно знает (а мы напомним, что он много лет возглавляет штаб вузовской науки региона – Северо-Кавказский научный центр высшей школы).

Любовью к донской земле, овеянной столькими легендами и хранящей следы культурных влияний многих эпох и народов, пронизан его очерк «Танаис». Прекрасное знание истории зарождения, сложного пути развития и во многом трагической судьбы донского казачества, с такой беспощадной объективностью и глубиной отраженных гением М.А. Шолохова, содержится в его очерке «Лишь преобразуя мир». Забота об охране природных богатств края сквозит в его прекрасном очерке «Биосферное мышление», в заключении которого Ю.А. Жданов знакомит читателя с уникальной работой ученых Ростовского госуниверситета по составлению эколого-математической модели Азовского моря. Все это (и многое другое) явно оживляет очерки, придает им документальность, что, однако, вовсе не влияет отрицательно на жанровые особенности книги в целом. Скорее наоборот, работает на основной замысел автора.

И еще одно соображение, которое вытекает у нас после прочтения данной книги. Если задаться вопросом, чему же все-таки она учит, то ответ может быть только один: уважению к прошлому, которое, как и уважение к человеческой старости, является «одним из неизменных устоев культуры» (А. Гулыга). Вот почему без воспитания гордости за великое прошлое своего народа, без подлинного освоения (а не потребительского присвоения) накопленных в его многовековом опыте культурных достижений нет и не может быть подлинного патриотизма – чувства, без которого, по мысли К.Г. Паустовского, «нет настоящего человеческого характера». И если он выработано, человек, вслед за нашим прекрасным писателем-натуралистом М.М. Пришвиным, с полным правом может сказать: «Родина, как я ее понимаю, не есть что-то этнографическое или ландшафтное... Для меня Родина – это я сам как творческий момент настоящего, создающего из прошлого наше будущее» [12].

Нам хотелось бы обратить особое внимание на этот момент, поскольку книга Ю.А. Жданова в первую очередь обращена к

молодежи, к тому поколению нашей страны, которому, собственно, и предстоит воплощать идеалы гуманизма, строить из «камней» прошлого «здание» грядущего на началах Истины, Добра и Красоты – трех ликов того, что издавна и называют культурой. Здесь на память невольно приходят слова великого немецкого мыслителя и драматурга Ф. Шиллера, обращенные к молодому поколению: «В душе нашей должно гореть благородное желание – к богатому запасу истины, нравственности и свободы, который мы унаследовали от прошедших веков и должны передать обильно увеличенным эпохам последующим, прибавить кое-что и из *наших* собственных средств и прикрепить наше мимолетное существование к той вечной цепи, которая тянется по всем человеческим поколениям. Как бы различны ни были назначения, ожидающие нас в гражданском обществе – какая-нибудь лепта может быть внесена сюда каждым из вас! Каждой заслуге открыта дорога к бессмертию – тому, на мой взгляд, истинному бессмертию, при котором совершенное дело живет и быстро подвигается вперед, хотя бы имя виновника его и осталось далеко позади» [13]. Что тут скажешь? Как говорится, комментарии излишни.

Резюмируем. Интереснейшие размышления автора о духовном и идейном наследстве прошлых эпох – не более чем средство приближения к проблемам нашей, современной отечественной культуры и проблемам культуры всего человечества. Это *заинтересованный разговор* с читателем о судьбах культуры в беспокойный и раздираемый социальными противоречиями век, о великом противостоянии сил хаоса и разрушения, с одной стороны, и сил разума и культуры – с другой. Ведь еще издревле говорили: в основе всякого ужаса лежит невежество. В то же время «во все лучшие периоды человеческой истории возрождение и расцвет создавались там, где выростала традиция почитания Культуры» [14]. Ибо только она, как «связующая нить» в бесконечной цепи человеческих поколений, «не знает разрушения как такового. Она безудержно, беспрестанно создает, она покрывает новым, высшим куполом несовершенство вчерашнего дня» [12, с. 222].

Этими словами великого русского художника и мыслителя Н.К. Рериха, нравственные принципы которого стали «нормами

международного права в отношении культурного наследия Земли» (С.Т. Конёнков), мы и хотели бы закончить свою рецензию-размышление над книгой Ю.А. Жданова «Нерасторжимые звенья...». Это очень нужная и важная вещь, которая без сомнения будет с большим интересом прочитана самым широким кругом читателей, в первую очередь – молодежью».

Апрель 1985 г.

Примечания и ссылки:

1. *Лифшиц Мих. А.* Мифология древняя и современная. – М.: Искусство, 1979. – С. 5.

2. *Жданов Ю.А.* Мимолетности. – Майкоп: Изд. «Адыгея», 1999.

3. Эта статья Юрия Андреевича открывала пятнадцатый том «Прометея» за 1988 г. (это был очень популярный в те годы альманах, выходивший в серии «Жизнь замечательных людей»).

4. См. об этом подробно: Династия Рябцевых // Научные и педагогические династии Южного федерального университета. В 2-х т. Т. 1 /авт.-сост. *В.Г. Гайворонский*. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2015.

5. См.: *Волков Ю.Г., Малицкий В.С., Рябцев В.Н.* Прогресс науки и будущее человечества. – Ростов н/Д: Общество «Знание», 1987. – 53 с.

6. Далее по тексту даем ссылки именно на это издание книги Юрия Андреевича.

7. Заметим, что на это важное обстоятельство обращал особое внимание видный советский философ и историк науки Г.Н. Волков. В одной из своих самых известных работ он писал: «Философам, социологам, науковедам, исследователям искусства еще предстоит глубоко осмыслить этот удивительный парадокс исторического развития духовной культуры, когда периоды взлета ее нередко приходится на времена социально-экономического застоя и политической реакции» (*Волков Г.Н.* Сова Минервы. – М.: Молодая гвардия, 1973. – С. 26).

8. *Лихачев Д.С.* Земля родная. – М.: Просвещение, 1983. – С. 201.

9. *Косолапов Р.И.* Только об одной звезде // С чего начинается личность. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1984. – С. 255-256.

10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 47. – М.: Политиздат, 1973. – С. 186.

11. Вполне понятно, что перечисленными выше идеями и мыслями не исчерпывается богатство рецензируемой книги. К числу других можно отнести интересные мысли и суждения Ю.А. Жданова о синтетическом характере культуры, о выдвигании на первый план той или иной ее стороны в различные эпохи развития человечества и ряд других. Но нам хотелось выделить именно основополагающие идеи автора, которые составляют концептуальную основу его книги.

12. Пришвин М.М. Незабудки. – М.: Худож. лит., 1969. – С. 274-275.

13. Шиллер Ф. Что значит изучать всемирную историю и с какой целью изучать ее? // Ф. Шиллер. Полное собрание сочинений в переводе русских писателей. 7-е изд. Т. 3. – СПб.: Изд. Н.В. Гербеля, 1893. – С. 158.

14. Рерих Н.К. Избранное. – М.: Советская Россия, 1979. – С. 238.